

Воспоминаніе крестьянина объ А. О. Гильфердингѣ.

Помѣщая воспоминаніе объ А. О. Гильфердингѣ, принадлежащее перу крестьянина, считаемъ нужнымъ замѣтить, что нами поправлены только знаки препинанія, кое-гдѣ « и указаны для набора красныя строки; особенности же Олонецкаго произношенія отмѣчены разрядкой. Для характеристики писавшаго, приводимъ маленькое извѣстіе, имъ же составленное. Вотъ оно:

«Господи благослови! Олонецкой губерніи, Петрозаводского уѣзда, Кижской волости, Янисю-Космозерского мѣрского общества, деревни Космозерского Погоста, крестьянинъ Иванъ Аникіевъ Касьяновъ, родился въ 1825 году, декабря 4-го дня. Отецъ мой, Аника Устиновъ, мастерство имѣлъ плотника и землепашца, который скончался въ 1864 году, 83-хъ лѣтъ; матушка моя Мавра Назарова, скончалася въ 1865 году, 80-ти лѣтъ. До 1860 года были въ расколѣ по Даниловской сектѣ. Я, Касьяновъ, воспитанъ въ деревнѣ и обучался въ грамоты у крестьянина Егора Иванова Холопова; занимался землепашествомъ и частью рыбною ловлею и разными извозами. Женатъ и имѣю дѣтей. Всѣ мы исповѣданія единовѣрческаго. Обратился въ единовѣріе изъ раскола въ 1860 году съ отцомъ, матерью, замужнею сестрою и съ тѣтенькой Агафьей. Былъ избранъ волостнымъ судьею въ 1865 году, а по избраніи на второе трехлѣтіе, поданъ мною письменный отзывъ объ увольненіи отъ службы, Въ 1871 году, августа 7-го дня, пріѣзжали ко мнѣ миссіонеръ Палеостровскаго монастыря іеромонахъ отецъ Исаій, который основалъ единовѣріе, и священникъ отецъ Іоаннъ Богословскій и прихожане разныхъ деревень, которые объявили указъ Олонецкой духовной консисторіи о избраніи изъ среды себя сборщика, и, по предложенію всѣхъ прихожанъ, на что согласился я, Касьяновъ, для окончательного устройства и украшенія бѣдной единовѣрческой церкви въ честь Вознесенія Господня, о которой было отпечатано въ «Петербургской Газетѣ», ноября 14-го числа».

Въ заключеніе замѣтимъ, что печатаніе сборника Былинъ покойнаго Александра Федоровича, которое предполагалось передать профессору О. О. Миллеру («Русск. Ст.» 1872 г., т. VI, стр. 464), по желанію г. Миллера и вдовы покойнаго вновь поступило подъ наблюденіе знатока этнографіи и археологіи П. А. Гильтебрандта.

Ред.

Александръ Федоровичъ Гильфердингъ пріѣхалъ въ Олонецкую губернію, въ городъ Повѣнѣцъ, съ крестьяниномъ Кижской волости, Василемъ Яковлевымъ Мореходовымъ¹⁾), гдѣ случился тогда быть крестьянинъ той же волости, деревни Космозерского Погоста, Степанъ Парамоновъ Куницынъ, который съ Мореходовымъ очень знакомъ. И узнавъ, что господинъ Гильфердингъ собираетъ былины и разсчитывается щедро, тогда крестьянинъ Куницынъ говоритъ Мореходову:

„И у насъ человѣкъ есть, крестьянинъ Иванъ Аникіевъ Касьяновъ, знаетъ былины, а только онъ сюда не пойдетъ, потому что очень далеко“.

¹⁾ Лодочникъ, возившій по озеру Онегу: онъ, рулевой и 6-ть гребцовъ. **К.**

А Мореходовъ говоритьъ:

„Я довольно знаю Ивана Аникіева, и онъ меня послушаетъ — приди въ Чолмужу, на 18-е число іюля 1871 года“.

И написалъ отъ имени своего записку, что господинъ Гильфердингъ очень добрый и разсчитывается щедро. По пріѣздѣ Куницына въ Космозерскую волость, нодаетъ записку мнѣ, Касьянову что просить господинъ прибыть за 45-ть верстъ въ деревню Чолмужу на 18-е число.

Но хотя время и рабочее и не свободное, но понудило желаніе видѣть такое важное лицо въ самыхъ глухихъ и непроходимыхъ мѣстахъ. Это болѣе привело во удивленіе и въ большой смѣхъ, что господа собираютъ былины: говоримъ между собою, что „господамъ должно быть въ Петербургѣ болѣе дѣлать нечего“.

Но какъ прошенній запиской, отправился въ путь, отойдя въ Толвуйскую волость, верстъ за 30-ть, гдѣ было нужно нанять лодку и перевозчика на 15-ть верстъ черезъ озеро Онего. По прибытии моемъ въ деревню Чолмужу, гдѣ тоже былъ пріѣхавши крестьянинъ Мореходовъ, а господина Александра Федоровича Гильфердинга не было, потому что онъ изъ города Повѣнца щахъ сухимъ путемъ черезъ монастырь Даниловъ, — подъ вечеръ, около 8-ми часовъ, черезъ Губу увидали огонь, и поѣхали туда на лодкахъ и встрѣтили его. На другой день, то-есть 19-го числа въ понедѣльникъ по утру явился и размышляю такъ: что наши уѣздные господа становые пристава и разныя служащія лица весьма горды, и думаль, какъ явлюсь я къ генералу, беретъ страхъ и ужасъ. Затѣмъ, перекрестивъ глаза, и говорю:

„А что Господи дастъ! если чего и не знаю, да съ мужика, такъ, думается, и не взыщетъ“.

И во-первыхъ увидѣлъ служителя при немъ, Ефима Ивановича, который собою очень привѣтливый и скромный, и просить меня чаю пить. Но желая я прежде познакомиться со слугою, пью и думаю: „должно быть хорошаго господина слуга: онъ всѣхъ учтиво принимаетъ“. Потомъ камердинеръ предложилъ господину, что Иванъ Аникіевъ пришелъ. Тогда Александръ Федоровичъ принялъ меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоялъ передъ нимъ съ дрожащимъ сердцемъ. И онъ, господинъ, видѣвъ во мнѣ перемѣну и говорить Ефиму Ивановичу: „налей рюмочку хорошей водки“! Но отъ которой я отозвался, потому что никогда не пивалъ. Потомъ говорить генералъ: „А пьете ли чай?“ Я говорю: „Чай я пью“. Тогда господинъ сказалъ: „Ефимъ, подай намъ чаю“. Когда вышли я, Касьяновъ, стаканъ чаю, то поосвѣжился духомъ, какъ-будто стало

и посмѣлѣ. Тогда началъ я пѣть былину о Добрынѣ Никитичѣ, а генераль началъ самъ писать, такъ очень скоро и успѣшно, что едва поспѣваю я голосомъ пропѣвать. Потомъ о Дюкѣ Степановичѣ другую былину. Потомъ господинъ приказалъ меня хозяевамъ кормить и чаемъ поить. Потомъ пропѣлъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ Московскому, объ отданіи города Смоленца.

На другой день мнѣ было очень весело, потому что познакомился съ господиномъ, и видя, что онъ человѣкъ очень скромный, смирный и ласковый, и размышляю про себя: „Должно быть господа, что чинъ выше, то и добрѣе, не какъ наши уѣздные господа; придешь, за какимъ-либо случится дѣломъ, то онъ наскачетъ, какъ звѣрь на рогатину, не взирая ни на какія твои справедливости“.

Потомъ я пропѣлъ о Михаилѣ Пѣтыѣ сынѣ Ивановичѣ, пятую я пропѣлъ о Настасіѣ королевичнѣ, шестую я пропѣлъ о пахарѣ Никулѣ Силениновичѣ, седьмую я пропѣлъ о взятіи Казани Грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

А подъ вечеръ пригласилъ онъ меня съ нимъ вмѣстѣ прогуливаться. Тогда стала у хозяевъ домой скотина приходить. Но какъ скотъ пасется безъ пастуха, то когда она пришла къ рѣкѣ Чолмужѣ, то сама пошла въ воду, не взирая ни на какую быстрину, плыть сама безъ погонщика, стадомъ. То мы смотрѣли съ большимъ удивленіемъ. И говорилъ Александръ Федоровичъ: „Ну я этого не премину разсказать господамъ по прїѣздѣ въ Петербургъ“.

Еще тутъ же прїѣхалъ въ Чолмужу Толвуйской волости, деревни Загубъ, крестьянинъ Иванъ Кузьминъ, съ былинами другой разъ. То Александръ Федоровичъ спросилъ:

— „А ты, старичокъ, чего прїѣхалъ?“

А старикъ говорить:

— „Батюшка, я былину вспомнилъ“.

— „Ну, спой же, старичокъ“.

Тогда началъ онъ пѣть о Чурилушкѣ Пленковичѣ. Тогда Александръ Федоровичъ далъ ему 3 руб. за одну былину. А у меня еще ничего не получено и думаю: „что мнѣ Богъ дастъ“. Болѣе въ Чолмужѣ никого не сыскалося.

А тутъ бояре приходили свою грамоту показывать (которая дана, за сбереженіе царицы Мары Ioannовны, Михаиломъ Федоровичемъ попу Ермолаю) на квартирѣ, гдѣ квартировалъ Александръ Федоровичъ, у крестьянина Петра Иванова Сурина. И рассказывали генералу, что значить пядина лѣсу и сколько занимаетъ мѣста.

— „Это, говорятъ бояре, надоѣть растолковать!“

Тогда господинъ говорить:

— „Это намъ ваша грамота была извѣстная, а вы ю храните у себя, какъ зѣницу ока. Прощайте!“

На третій уже день, то-есть 20-го числа іюня, освободилися отъ всѣхъ занятій. А вѣтеръ былъ очень сильный, что было нельзя по Онегуѣхать ни господину, ни мнѣ. То мы всѣ провожали время вмѣстѣ, а Ефимъ Ивановичъ настрѣлялъ утокъ. Тогда Александръ Федоровичъ говорить камердинеру:

— „Ефимъ, подай сюда Ивану Аникіевичу чаю со мною вмѣстѣ, пущай пьетъ!“

А я ему говорю:

— „Позвольте мнѣ къ самовару поближе, тамъ мнѣ повыгоднѣе будетъ: здѣсь стаканъ—два, а три—и то много, а тамъ и пятое—такъ ничего!“

Онъ разсмѣялся, говорить:

— „Ну, впрочемъ, гдѣ вамъ угодно“, и далъ мнѣ денегъ 13 рублей. Тогда я очень обрадовался такой неожиданной наживѣ. Иду на квартиру, погляжу и думаю: „Слава Богу! Господь послалъ какого благотворителя!“

Но какъ уже къ вечеру вѣтеръ подтихъ, то оны стали собираться въ путь, готовиться къ поѣзду на Пудожскую гору, Пудожскаго уѣзда. Тогда я пособилъ носиться въ лодку и проводилъ глазами, покуда было можно видѣть.

Послѣ этого по осени приѣхалъ я въ Петербургъ по сбору на церковь, и у меня пришло большое желаніе увидѣть своего благотворителя. И думаю я, что такой ли будетъ здѣсь весьма добрый, какъ былъ въ нашихъ мѣстахъ, или не припустить и на глаза. Но однако, что Богъ ни дастъ, а попробую сходить. Показалъ городовой квартиру, и я постучалъ въ колокольчикъ. Вдругъ выбѣгаешь знакомый слуга Ефимъ Ивановичъ. И я ему рассказалъ. Тогда опять взялъ меня къ себѣ, потомъ предложилъ обо мнѣ Александру Федоровичу. Тогда господинъ приказалъ мнѣ зайти къ себѣ въ покой, гдѣ сидѣла у него законная супруга Варвара Францовна, и такъ ласково и милостиво посадилъ подлѣ себя. А генеральша наливалася сама намъ чай и съ закускою. Но и опять я удивился, что генеральша сама наливаетъ чай простому мужику. Сижу и про себя думаю: „это должно быть вторая Сарра; имѣла 300 рабынь, а сама мѣсила тѣсто и кормила рабочихъ¹⁾“. Но тутъ же мнѣ сказалъ Александръ Федоровичъ:

¹⁾ Надо замѣтить, что крестьянинъ Касьяновъ, какъ бывшій старовѣръ,—человѣкъ весьма грамотный и большой начѣтчикъ въ церковныхъ книгахъ.

„я предложу Географическому Обществу, можетъ мы въсъ попросимъ въ собраніе“. Но когда я былъ потребованъ, то, по приходѣ моемъ, вышелъ Александръ Федоровичъ, взялъ меня подъ руку и посадилъ на стулъ, гдѣ сидѣло большое собраніе господъ. Тогда я подумалъ: „гдѣ Господь привелъ быть и сидѣть между учеными людьми, просвѣтителями и разъяснителями народу, и всѣ училио принимаютъ“. И тутъ я пропѣлъ три былины о пахарѣ Никулѣ Силениновичѣ и обѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, о Грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ, о взятии Казани, а болѣе—время было поздо. И послѣ этого былъ награжденъ деньгами, и всѣ очень ласково приняли. А сердце мое наиболѣе возрадовалось потому, что нашелъ въ ученыхъ людяхъ крѣсть и смиреніе, по писанному: „блаженни кротціи, яко тіи наслѣдѣятъ землю“.

Крестьянинъ Касьяновъ.

Генеалогическое разъясненіе.

Редакція „Русской Старины“ получила отъ А. Л. Потапова слѣдующее письмо:

„По поводу напечатаннаго въ девятомъ нумерѣ уважаемаго изданія вашего „Русской Старины“ сообщеннаго мною вамъ письма св. Дмитрія Ростовскаго къ прадѣду моему, по матери, Михаилу Григорьевичу Грохольскому, въ 10 № „Русскаго Архива“ появилась замѣтка, подъ названіемъ „Генеалогическое недоумѣніе“. Въ этой замѣткѣ говорится, что родительница моя, сколько известно по родословной книгѣ (т. I, стр. 157) была родомъ княжна Шаховская (Татьяна Васильевна) и только въ первомъ бракѣ находилась за г. Грохольскимъ.

Считаю нужнымъ разъяснить, что упоминаемая въ этой замѣткѣ княжна Татьяна Васильевна Шаховская была моя родная бабка, т. е. родная мать родительницы.

Она была въ замужествѣ только одинъ разъ за Петромъ Михайловичемъ Грохольскимъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, бывшимъ съ 27 января 1799 года волынскимъ вице-губернаторомъ. Въ имѣющейся въ моемъ семейномъ архивѣ копіи съ послужнаго списка П. М. Грохольского пояснено, что онъ женатъ на княжнѣ Татьянѣ Шаховской и имѣть, между прочимъ, дочь Александру въ замужествѣ за генералъ-майоромъ Львомъ Потаповымъ. Точно также и въ россійской родословной книгѣ (ч. I, стр. 175, № 264) показано: княжна Татьяна Васильевна Шаховская за Петромъ Грохольскимъ. Этотъ П. М. Грохольскій былъ сынъ Михаила Григорьевича, къ которому